

DOI: 10.31857/S013038640008649-1

© 2020 г. С. А. РОМАНЕНКО

ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ ЮЖНЫХ СЛАВЯН АВСТРО-ВЕНГРИИ. 1914–1918 годы

Романенко Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, заведующий сектором Восточной Европы отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).
E-mail: serg.hist@gmail.com

Аннотация. Этнополитическое развитие Австро-Венгерской империи как многонационального монархического государства в конце XIX — начале XX в. определялось несколькими группами противоречий. Во-первых, внутренними противоречиями между государством и этносоциальными общностями. Во-вторых, не полным и не постоянным совпадением между собой интересов входивших в Австро-Венгрию народов, национальные движения которых стремились к национальному самоопределению и его политико-юридическому оформлению в форме национальной государственности. В-третьих, постоянным диссонансом между двумя полноправными народами, тремя народами с промежуточным статусом и остальными — неполноправными народами. Поляки, чехи и хорваты, хотя и не были равны по своему политико-правовому статусу австрийским немцам и венграм (мадьярам), обладали собственным государственным правом, что делало их положение двойственным. В-четвертых, трансграничным политическим воздействием соседних государств на внутривнутриполитическое развитие тех регионов империи, отдельные народы которых находились в этническом родстве с населением соседних национальных и многонациональных государств, что вступало в противоречие со стремлением династии и центральных властей Цислейтании и Транслейтании ограничить проблему стратегических меньшинств исключительно имперским пространством. Всем трем многонациональным империям — Австро-Венгрии, России и Османской империи, так и не удалось завершить процесс модернизации и предоставить своим народам новых легальных форм национального самоопределения в существовавших границах. В 1919–1920 гг. в Версале (а также в Нейи, в Сен-Жерменском дворце, в большом Трианонском дворце и в Севре) державы — победительницы решали судьбу стран Средней (Центральной и Юго-Восточной) Европы.

Ключевые слова: монархия Габсбургов, многонациональная империя, южные славяне, хорваты, сербы словенцы, мусульмане, чехи, австрийские немцы, венгры, национальное самоопределение, центробежные и центростремительные тенденции, национальная и социальная революции.

S. A. Romanenko

Centrifugal and Centripetal Trends in Political Programs of National Movements of South Slavs of Austria-Hungary, 1914–1918

*Sergey Romanenko, Russian State University for the Humanities, Institute of Scientific Information for Social Sciences of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: serg.hist@gmail.com*

Abstract. The ethnic and political development of the Austro-Hungarian Empire as a multinational monarchy at the end of the 19th and the beginning of the 20th century was determined by several groups of contradictions. First, the internal contradictions between the state and ethnic and social communities. Secondly, the interests of the peoples of Austria-Hungary, whose national movements sought national self-determination and its political and legal formalization in the form of national statehood, did not coincide completely or permanently with each other. Thirdly, by the constant contradictions between two full-fledged peoples, three peoples 'in formation, and the rest – non-full-fledged nations. The Poles, Czechs, and Croats, although they were not equal in their political and legal status to the Austrian Germans and Hungarians (Magyars), had their own state law, which made their position ambivalent. Fourthly, the cross-border political influence of neighbouring states on the internal political development of those regions of the Empire, certain peoples of which were in ethnic kinship with the population of adjacent national and multinational states which conflicted with the desire of the dynasty and the central authorities of Cisleithania and Transleithania to limit the problem of strategic minorities exclusively to the imperial space. Three multinational Empires – Austria-Hungary, Russia, and the Ottoman Empire – failed to complete the modernization process and to provide their peoples with new legal forms of national self-determination within the existing borders. In 1919 – 1920 in Versailles (as well as in Neuill-sur-Seine, in the Saint-Germain Palace, in the Grand Trianon Palace and in Sevres), the victorious powers (the Great Britain, France, the US, and Italy) decided the fate of the countries of Central (Central and Southeastern) Europe.

Keywords: Habsburg Monarchy, Multinational Empire, South Slavs, the Croats, the Serbs, the Muslims, the Slovenians, the Czechs, the Austrian Germans, the Magyars, National Self-determination, Centrifugal and Centripetal Trends, National and Social Revolutions.

В многонациональной Австро-Венгерской империи со второй половины XIX в. перед этносами, обществами и государством стояла задача нахождения форм и определения темпов социальной модернизации и национального самоопределения. Конфликт центростремительной тенденции с центробежной при отсутствии межэтнических и социально-политических интеграционных процессов был постоянным фактором развития империи Габсбургов. Рубежом в этих процессах стал 1867 г. – заключение Соглашения между Австрией и Венгрией и превращение Австрийской империи в Австро-Венгерскую. О том, был ли этот акт первым шагом на пути распада монархии Габсбургов или реформой, позволившей сохранить единство многонациональной империи еще на 50 лет вплоть до окончания Первой мировой войны, завершившейся ее поражением на поле

брани, и насколько этот распад был неизбежен велись, ведутся и будут вестись споры между историками¹.

Процесс превращения централистской монархии в дуалистическую начался в феврале 1867 г., когда Государственное собрание Венгрии восстановило конституцию 1848 г. и ответственное министерство. 20 марта Собрание приняло 69 компромиссных статей между короной и венгерским национальным движением (*Österreichisch-Ungarischer Ausgleich* – нем.; *Osztrák-Magyar kiegyezés* – венгр). 8 июня – император Франц-Иосиф принес клятву в Пеште и вместе с супругой Елизаветой короновался в соборе Св. Матьяша в Буде. 12 июня 1867 г. император и король утвердил статьи Компромисса. Наконец, 21 декабря 1867 – рейхсрат принял Декабрьскую конституцию. Империя превратилась в реальную унию². Эту сложную систему дополняла принятая 25 июня – 24 сентября 1868 г. венгерско-хорватская автономия (*Magyar-horvát kiegyezés* – венгр.; *Hrvatsko-Ugarska nagodba* – хорв.)³ В 1908 г. аннексия Боснии и Герцеговины – территории, которые находились под управлением общего министерства финансов, добавила неустойчивости этому и без того громоздкому и сложно контролируемому зданию⁴.

Характеризуя систему дуализма в целом, видный австро-немецкий социал-демократ О. Бауэр писал: «Каждый из них взял себе в подчинение по одному полуправному народу, мадьяры – хорватов, немцы – поляков, которым еще в 1869 г. были дарованы особые права в области языка вместе с частичной автономией. Остальные же пять наций были обречены на съедение: в Австрии чехи и южные славяне – немцам, русины (украинцы) – полякам, в Венгрии немцы, словаки и румыны – мадьярам, сербы – хорватам. Две господствующих, две полуправные и шесть – совершенно бесправны»⁵.

То обстоятельство, что обе части монархии независимо друг от друга осуществляли управление, судебную деятельность, а также самостоятельно решали

¹ См., например: Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995; *Айранетов А. Г.* Взгляд историков на реалии многонационального государства. – Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки, вып. 3–4. Тамбов, 1996; *его же.* Историческая судьба Австро-Венгрии. – Вопросы истории, 1999, № 1; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. Отв. ред. О. В. Хаванова. М., 1997; *Крючков И.В.* Венгрия и славянский мир в последней трети XIX – начале XX вв. Ставрополь, 2001. *Воцелка К.* История Австрии. М., 2007; *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002; *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003; Чехия и Словакия в XX в. Очерки истории, т. 1. Отв. ред. В. В. Марьина. М., 2005.

² Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов, т. 1. СПб., 1905, с. 28–30; Политический строй современных государств. Сборник статей, т. II. СПб., 1905, с. 192; Собрание конституционных актов. Вып. II. Конституции Австрии – Австро-Венгрии – Венгрии – Англии. М., 1908, с. 3–47; *Формы национального движения в современных государствах.* Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910, с. 22.

³ Тумач повластица, закона, уредаба и других наређења српске народне црквене аутономије у Угарској, Хрватској и Славонији. Нови Сад, 1897; Венгерско-хорватское соглашение 1868 г. Краткий очерк и перевод с приложением. СПб., 1910; *Hrvatske pravice.* Sastavio Petar Požar. Split – Zagreb, 1990; *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. СПб., 2001, с. 150–151.

⁴ Земальски устав (статут) за Босну и Херцеговину. Превишње ријешење од 17. фебруара 1910. о увођењу уставних уредаба. Сарајево, [1910]; *Фрейдзон В. И.* К истории боснийско-мусульманского этноса – Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

⁵ *Формы национального движения в современных государствах*, с. 22. Обобщенные и сравнительные данные о численности народов, населявших Австрийскую и венгерскую части см. в предисловии А. И. Кастелянского. – Там же, с. VII.

большинство финансовых и хозяйственных вопросов, находящихся под контролем своих парламентов, придало официальной габсбургской политике черты, сохранившиеся вплоть до распада монархии. За 50 лет ее существования не было проведено каких-либо значительных государственно-правовых или управленческих реформ в общеимперском масштабе.

Функционирование многонациональной системы исполнительной власти и представительных учреждений, способных обеспечить внутривластную стабильность, а также самого института монархии, носило ограниченный и селективно-верхушечный характер. Между вышеназванными тремя элементами системы власти, а также внутри каждого из них, существовал постоянный конфликт. Принятая в силу усиливавшейся этнорегионализации империи ее двуединая форма пространственно-политической организации не обеспечила консолидированного социального и межэтнического единства ввиду проводившейся центральными властями политики использования различных форм этнонациональных противоречий (австро-венгерское соглашение 1867 г. и венгерско-хорватское соглашение 1868 г., разный статус земель и полиэтничный состав их населения, раздробленность этнических территорий)⁶.

Австро-Венгрия оставалась конгломератом административно-политических территорий, обладавших различным статусом. На значительной — южной — части государства совместно и/или чересполосно проживали этнически близкие южнославянские народы. Ни один из них — хорваты, словенцы, сербы, боснийские мусульмане — не обладал в монархии единой в этническом и административно-политическом отношении территорией, совпадавшей с этнической; отсутствовало у них и общее единое — южнославянское политико-административное образование. Власть и общество оставались фрагментированными в этнонациональном и территориальном отношении. Поэтому политическое объединение этнических территорий было одним из главных элементов национального самоопределения и требований национальных движений южнославянских народов Австро-Венгрии как в моноэтничном, так и в полиэтничном вариантах⁷.

Соотношение процессов модернизации и национального самоопределения обуславливалось прежде всего статусом нации: господствующий, промежуточный и неполноправный, а также ее субъектом — властью или национальные движения. Существовало три варианта политики модернизации — господствовавших наций, т.е. австрийских немцев и венгров (мадьяр), частично неполноправных хорватов и чехов, обладавших своим признанным в монархии историческим правом, и остальных неполноправных народов. Политика модернизации господствующих классов Австрии и Венгрии воспринималась представителями промодернизационных слоев национальных движений как антинациональная и антидемократическая, ассимиляторская. Они связывали ее и с властью как таковой, и с принадлежностью к господствующим нациям, и с панэтнической политикой «германизма» и «мадьяризма» против «панславизма» и славянства. Модернизация, проводившаяся путем централизации и подавления общественно-политических и этнических процессов,

⁶ История Венгрии, т. II. Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1972, с. 259–281.

⁷ Камберович Х. Мусульманская политическая элита и хорватские политические программы в Боснии и Герцеговине в начале XX века. — Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. IV. Памяти В. И. Фрейдзона. Отв. ред. С. А. Романенко, И. В. Крючков, А. С. Стыкалин. СПб., 2011, с. 294–295; Маткович С. Хорватские политические партии и идея модернизации в начале XX века. — Там же, с. 233–243; Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении. СПб., 2011. Из литературы последнего времени см. превосходную монографию: Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М., 2017.

в этом случае не укрепляла, а ослабляла фундамент государства. Ей противостояли различные варианты национальной модернизации – от социального консерватизма до национальной революционности⁸.

Австрославизм и югославизм, а также триализм и федерализм не были логически стройными концепциями, отдельные элементы которых были тесно связаны между собой или же опирались на прочные структуры этносоциального и этнополитического сознания. В основном это были лишь обусловленные конкретной историко-политической ситуацией комбинации лозунгов, тактических приемов и средств, форм обеспечения этнонациональных интересов каждого народа, урегулирования (частично или полностью), по мысли политиков, их применявших, или попытки смягчения этносоциальных и этнополитических противоречий внутри государства с целью привести государственное устройство и политическую систему в соответствие с новыми социальными и этническими процессами и наладить межгосударственные отношения или ослабить в них конфликтность.

В протестном югославизме народов Австро-Венгрии существовали две тенденции – демократическая и унитаристская. Для сторонников первой было характерно признание этнической и политической индивидуальности каждого народа, даже в новообразованном государстве югославы (например, Хорватско-сербская коалиция, Югославянский комитет, Югославянский клуб); последователи второй видели в сербах, хорватах и словенцах, не говоря уже о боснийских мусульманах, – единую нацию-этнос. Первый тип югославизма можно охарактеризовать как политико-правовой (признание этнонациональной индивидуальности и ее политических прав). Его сторонниками были хорваты Франо Супило и Анте Трумбич. Второй – этнонационально-политический (позднее он получил название «интегральный» – отрицание этнической, культурной и политической индивидуальности каждого южнославянского народа в отдельности). К его приверженцам в разной степени относились хорват Франко Поточняк, серб Светозар Прибичевич, словенцы Янез Крек и Антон Корошец. В этом югославистский унитаризм совпадал с сербским этническим унитаризмом; этнотерриториальные претензии были адресованы вовне, к другим государствам. И таким образом югославизм в этнонациональном варианте утрачивал свою демократическую направленность. Предпосылки этого возникли еще до образования Королевства сербов, хорватов и словенцев 1 декабря 1918 г.⁹

Однако у хорватов, сербов, словенцев и боснийских мусульман Австро-Венгрии существовал и антидемократический унитаризм моноэтничного типа, исходивший из интересов и прав исключительно одного – «своего» народа, соответственно хорватов, словенцев, сербов, мусульман. В данном случае он отрицал существование, индивидуальность и права других народов, ставя этнотерриториальные проблемы уже не во внешний, а во внутренний контекст. К этому типу в конце XIX – начале XX в. можно отнести таких деятелей, как Йосип Франк и Стjepан Радич в Хорватии, Иван Шуштершич в Словении, сербский радикал Яша Томич в Воеводине (Южная Венгрия). Хорват Миле Старчевия

⁸ Goldstein I. *Hrvatska povijest*. Zagreb, 2003, S. 207–226; Воцелка Е. Указ. соч., с. 337–343; Контлер Л. Указ. соч., с. 413–425; Тымовский С., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004, с. 369–408; Чехия и Словакия в XX веке, т. 1, с. 44–94; Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.

⁹ Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., 2011, с. 117–141; Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов 1848–1914 гг. Очерки. Отв. ред. О. В. Хаванова. М., 2018, с. 207–248.

эволюционировал от унитарного моноэтничного хорватского национализма к унитарному полиэтничному югославянскому национализму.

Триализм основывался исключительно на историческом государственном праве, монархизме и лоялизме. Федерализм же мог основываться как на историческом государственном, так и на естественном праве, народном и национальном суверенитете, носить консервативный – централистский, центростремительный, и легалистский (австрофедерализм), и центробежный, и революционный (балканский федерализм) характер. Суть триалистических и федералистских проектов и их трактовка властью и оппозицией, национальными движениями господствующих и неполноправных наций различалась.

Пролетариату этнический национализм также не был имманентно чужд, а интернационализм присущ. Оба эти утверждения были, с одной стороны, идеологической иллюзией, с другой, – идеологизированным мифом. По своей сути и целям в XIX – XX вв. они оба видоизменялись как политико-психологические феномены. В этом качестве и национализм, и интернационализм могли способствовать как центростремительным, интеграционным, так и центробежным, дезинтеграционным тенденциям в развитии многонациональных государств, как обретению национальной свободы, так и ассимиляции, а также способствовать созданию демократического государства и укреплению авторитарного правления. И «пролетарский интернационализм», и различные концепции «славянского братства» могли способствовать как возникновению конфликтов, в том числе и вооруженных, так и их урегулированию. Но ни идея этнического родства (вариант этнического национализма), ни интернационализм как идеологема, выработанная II Интернационалом, не обладали постоянным и неизменным конфликтопримиряющим и центростремительным потенциалом. В то же время австро-немецкая социал-демократия (австромарксизм) была одним из важнейших центростремительных факторов. Более того, этнонационализм и интернационализм претерпели существенные стадийные изменения, и в начале XX в. приобрели радикально-агрессивный характер¹⁰.

Одни сторонники распада Австро-Венгрии и национальных революций полагали, что новая социальная реальность возникнет в национальных независимых государствах. Другие, наоборот, в отказе от монархии Габсбургов и империи видели возможность сохранения прежней социальной реальности.

Эта двойственность, разновариантность трактовки конечной цели определялась соотношением между несколькими этническими процессами, каждый из которых имел политическую составляющую – внутриэтническую интеграцию и консолидацию, межэтническую консолидацию и дифференциацию, а также ассимиляцию.

В связи с началом и результатами Первой Балканской войны 1912 г. произошло оживление югославизма в Австро-Венгрии в балканском – антигабсбургском варианте. Он, однако, в большей степени остался преимущественно на психоэмоциональном уровне политических лозунгов и общественных акций: ни хорваты, ни словенцы не намеревались отказываться от собственного этнонационального самосознания и языка, терять собственную этническую, культурную и конфессиональную индивидуальность ради новой общности – югославянской и, тем более,

¹⁰ См.: Zgodovinski arhiv komunističke partije Jugoslavije. T. V. Socijalistično gibanje v Sloveniji. 1869–1920. Beograd, 1951; Österreichische Parteiprogramme 1868–1966. Hrsg. von K. Berchtold. München – Oldenburg, 1967; *Кречмић В., Љушић П.* Програми и статуты српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991; Magyarországi pártprogramok 1867–1919. Budapest, 2003; *Сіпек Т., Врдеčić Ј.* Hrestomatija liberalnih ideja u Hrvatskoj. Zagreb, 2004; *Сіпек Т., Матковић Сј.* Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. 1842.–1914. Zagreb, 2006.

сербской. В рамках югославизма сформировались четыре тенденции; две австрославистских — консервативная (Хорватско-сербская коалиция) и либеральная («диссиденты» из ХСК и социал-демократы), а также интегралистски-революционная, террористическая («Омладина», «Млада Босна»), опиравшаяся на балканский (сербский) югославизм. К специфической форме австрославистского югославизма можно отнести планы хорватских «правашей» и словенских клерикалов.

До лета 1914 г. национальные движения народов Австро-Венгрии, в том числе и национальные движения южных славян, искали возможность национального самоопределения исключительно в границах существовавшего государства, и центристская тенденция сохраняла господствующее положение и опиралась на модернизацию. Однако именно в этот период во внутреннем развитии Австро-Венгрии, региона Средней Европы и в развитии международных отношений в целом созрели причины и предпосылки глобального военного столкновения, названного впоследствии Первой мировой войной.

Особенности развития социальных и национально-политических течений также обуславливались прежде всего статусом нации: господствующий, промежуточный и неполноправный. Консерватизму в меньшей степени, чем либерализму было присуще деление на полноправные и неполноправные народы. У всех национальных движений он был ориентирован на власть, династию и консервацию империи. Если его представители и допускали переустройство государства, то исключительно на основе государственного права, лоялизма, монархизма, легитимности и централизма.

Позиция христианско-социального движения определялась, во-первых, принадлежностью его приверженцев к каждому данному народу, во-вторых, политикой и идеологией Ватикана, отношением Святого престола с Австро-Венгрией. А это, в свою очередь, во многом зависело от личности Папы. В некоторых случаях христианско-социальное движение переплеталось с консерватизмом и некоторыми элементами аграризма.

Либерализм господствовавших наций (австрийские немцы и мадьяры) носил этнонационалистический, недемократический характер и предполагал модернизацию без национального самоопределения, при сохранении централизма и ассимиляции. У либералов двух других групп народов самоопределение стояло на первом плане, как необходимое условие модернизации. Общеполитически он носил более демократический характер. Однако национализм был присущ либералам всех национальностей монархии, и проделал он одну и ту же закономерную эволюцию — от идеи свободы и самоопределения всех народов в XIX в. к идее свободы и самоопределения одного своего народа за счет попрания прав остальных в XX в. У господствовавших наций социальный либерализм XIX века сочетался с национализмом XX века и имперскостью.

Идеологии социал-демократии и аграризма сочетали в себе стремление к модернизации с антимодернизационными элементами. Для «аграристов» этнонациональный момент играл несравненно большую роль, чем для социал-демократов. Однако они были сторонниками сохранения единого многонационального государства. В то же время пролетарский интернационализм, связанный с социальным протестом, отнюдь не всегда носил промодернизационный характер. Позиции социал-демократов господствовавших и неполноправных наций различались, несмотря на принадлежность к одной идеологии и к единой организации. Однако ни те, ни другие не были сторонниками создания моноэтничной государственности, даже при поддержке планов создания федерации на основе естественного права. Австро-немецкие социал-демократы в сохранении многонационального государства и даже империи видели интернационализм. Парадоксальным образом интернационализм

(или формальный антинационализм) стал основой проимперской позиции СДП Австрии., что и проявилось в позиции партии в годы Первой мировой войны. Югославянским социал-демократам такая позиция была чужда. В то же время социализму неполноправных и отсталых наций не была чужда и антимодернизационная направленность¹¹.

Одновременно с попытками найти новые формы модернизации и национального самоопределения, а также способы их осуществления, политическая мысль и практика политических классов Австро-Венгрии бились над проблемой обеспечения стабильности и урегулирования этнотерриториальных конфликтов, а также усердно работала в поисках альтернативы имперскому варианту организации этнополитического государства. Разными национально-политическими силами выдвигались различные региональные – средневропейские и балканские проекты (до войны австрийский немец А. Эренталь, румын А. Попович, хорват С. Радич; во время войны хорват С. Саркотич, венгр О. Яси и др.), исповедовавшие различные социально-политические мировоззрения и занимавшие различное положение). Средневропейские проекты, исходившие у славянских народов из комбинаций австрославизма и югославизма при разном сочетании этнотерриториальных и административно-политических образований исходили из сохранения территориальной целостности этого государства при условии проведения преобразований (Соединенные штаты Великой Австрии, Дунайские соединенные штаты; Дунайская федерация; Придунайская федерация государств и народов, католическая федерация; социалистическая федерация; средневропейская федерация). Балканские проекты, зачастую опиравшиеся на югославизм в его радикальном варианте, как правило, основывались на перспективе разрушения монархии Габсбургов (социалистическая федерация; союз балканских государств). Исторической реальностью для южных славян стали централистское королевство (1918–1941) и социалистическая авторитарная федерация (1942–1991). Оба государства оказались менее жизнеспособными, чем империя Габсбургов: первое просуществовало чуть больше двух десятилетий, второе – распалось незадолго до своего официального пятидесятилетия.

Первая мировая война была не только конфликтом двух военно-политических блоков и совокупностью межгосударственных противоречий, но и результатом межэтнических противоречий в Средней Европе, в том числе и внутри Австро-Венгрии, противоречий между Средней Европой и Балканами. Австро-Венгерская империя распалась, поскольку каждый элемент конгломерата народов, существовавший вместо полиэтничного общества, в том числе и австрийские немцы и венгры разных политических убеждений, перестал связывать свое будущее с многонациональным государством, империей, монархией и династией Габсбургов, и увидел другие альтернативы и возможности для самоопределения. Война становилась все менее популярной, а власть, которая ее начала, стремилась довести до победы и не смогла вовремя заключить мир. Сказывалось также и подчиненное положение Австро-Венгрии по отношению к Германии.

Этнонациональные – хорватский, сербский, словенский, боснийско-мусульманский или югославянский вопросы, равно как и геополитические, содержавшие в себе этнополитические, экономические и религиозные элементы – боснийско-герцеговинский (административно-политическая принадлежность Боснии и Герцеговины), адриатический (отношения с Италией) и балканский (отношения с Сербией, Румынией, Болгарией и Грецией), по отдельности,

¹¹ Камберович Х. Указ. соч., с. 294–295; Фрейдзон В. И. К истории боснийско-мусульманского этноса, с. 329–343.

не сыграли решающей роли в распаде многонационального государства в Средней Европе. (Одним из элементов этнонациональных проблем были территориальные претензии, а геополитических проблем — отношения между этносоциальными общностями). Роковую роль, наряду с военным поражением, сыграла вся сумма межнациональных и социальных противоречий, из которых государство не могло найти выхода, поскольку отсутствовала его многонациональная социальная основа и не была в должной мере осуществлена модернизация.

После успешной на первом этапе военной, политической и психологической мобилизации на основе династического патриотизма, война вскоре обострила межнациональные противоречия, что стало одной из причин распада Австро-Венгрии. К ним добавились незавершенная и малодейственная модернизация, социальная катастрофа, разложение неэффективного государственного аппарата и армии. Война, направленная на подавление процессов национального самоопределения, ликвидацию проблемы стратегических меньшинств и отказ от социально-политической модернизации привели к тому, что оба эти процесса, которые могли сыграть интегрирующую роль, но которые власть рассматривала как изначально враждебные ей, действительно, превратились в центробежные факторы. Несмотря на развитие некоторых объективных этнополитических процессов и интересов, а также и субъективных концепций и чувств, единая моноэтническая или полиэтническая социальная общность у южных славян Австро-Венгрии не сложилась. Их совместное выступление против Австро-Венгрии и монархии было обусловлено временным и частичным совпадением их национальных интересов. Окончательный перелом в соотношении центростремительной и центробежной тенденций и в направленности национальных движений относительно форм, темпов и методов национального самоопределения наступил в 1917 г.

Хотя оба монарха — Франц Иосиф I и Карл I (IV) Габсбурги, их окружение и политические классы Австрии и Венгрии как носители идеи государства подчеркивали свою верность идее сохранения его целостности и правящей династии, объективно их политика и неготовность пойти навстречу этнонациональным движениям не только не укрепляли государство, но и разрушали его. В этом состоит еще один парадокс династии Габсбургов, монархии, империи и ее политического класса и двух господствовавших наций. Естественно, к этому надо добавить, что и растущее сопротивление национальных движений неполноправных народов, в том числе и хорватов, сербов, словенцев, и отчасти боснийских мусульман, усиливалось растущей неспособностью власти решать экономические и социальные проблемы (прежде всего обеспечением продуктами и средствами существования), которые та пыталась решить усилением преследования групп населения по национальному признаку, что не скрепляло, а ослабляло государство, провоцировало центробежные тенденции.

Нарастающее усиление авторитарных и централистских тенденций, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и рост сопротивления неполноправных народов в условиях войны, военного поражения или чрезмерно милитаризованной экономики привело к потере широкой полиэтнической социальной базы (и без того весьма фрагментарной) и к распаду государства. Первоначальные надежды на изменение своей судьбы, которые питали бедняки, бюргеры и интеллектуалы разных национальностей накануне войны и в первые ее годы, не оправдались.

Позитивное решение вопроса о сохранении целостности империи, монархии и династии Габсбургов, предпосылки для которого до войны объективно существовали, оказалось в реальности невозможным, поскольку отсутствовала многонациональная социальная основа. Распад Австро-Венгрии не был исторической

случайностью. Он был следствием сущностного видоизменения национализма (от освобождения и равноправия всех народов к господству «своего» народа над другими), деформации и изменения вектора развития практически всех социальных и этнических процессов, произошедшего в годы Первой мировой войны, парадоксальным образом развязанной для того, чтобы этого не допустить. Трансформации национальных движений южных славян были следствием как внутреннего развития каждой этносоциальной общности, так и развития империи и ее политики. Однако, имея свои исторические причины, распад Австро-Венгрии не был фатально предопределенным именно на данном этапе развития многонациональной империи. Он был следствием отсутствия полиэтничного общества в рамках данного государства, а также кризиса социальной структуры и государственного аппарата и невозможности нарушить созданный в 1867–1868 гг. хрупкий баланс, основанный на австро-венгерском дуализме и автономии Хорватии.

Общее явление национальной политической консолидации и мобилизации на этнической, а не на гражданской основе, было обусловлено предыдущим развитием империи и стало одним из главных факторов распада монархии путем национальных революций – обретения национального самоопределения в полном объеме путем создания нескольких суверенных независимых национальных государств.

Процессы национального самоопределения у этнически близких народов, проживавших в одном государстве, обладают особой сложностью, связанной как с самоидентификацией, так и с территориальным разграничением. Борьба этих двух тенденций обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению на каждом витке своей истории – в иной форме. У южных славян Австро-Венгрии сформировались отдельные нации, каждой из которых был свойственен свой собственный этнонационализм, а югославизм (как идея, и как движение с последующим созданием общего государства) был результатом временного совпадения некоторых элементов национального сознания, а также интересов и направленности развития наций, к которым в качестве дополнительного фактора прибавилась конкретная этнополитическая и военно-политическая ситуации, сложившейся на исходе Первой мировой войны.

Был ли распад многонациональной империи в центре Европы не только закономерен, но и изначально неизбежен? С высоты начала XXI в., зная исторический результат, мы сможем сказать, что избежать такой судьбы в принципе не может ни одна империя, ни одно многонациональное государство.

Можно ли было сохранить многонациональную империю, и если да, то каким путем: политикой унитаризма, централизации, мобилизации и насилия (одно из средств – «победоносная война») или демократизацией, либерализацией, признанием полиэтничности, прав этнических коллективов наряду с общегражданскими правами? Этот вопрос Австро-Венгрии пришлось решать дважды – в 1914 и в 1917–1918 гг.

Дуализм и централизм изжили себя, в таком виде империя сохраниться более не могла, поскольку они способствовали (или, по меньшей мере, не препятствовали) росту межнациональных противоречий и препятствовали модернизации. Однако факт исчерпанности дуалистической системы до определенного момента не был тождественен невозможности сохранения единого многонационального государства в иных формах – триалистической империи или федеративного государства, не был тождественен отрицанию идеи единого многонационального государства в Средней Европе. На каких принципах и какими темпами осуществились бы эти реформы, сколько бы просуществовало реформированное государство – иной вопрос.

Сами по себе ни триализм, ни федерализм, без осуществления экономической и социально-политической модернизации не гарантировали ни укрепления единого многонационального государства, ни сохранения его целостности. Они могли способствовать сохранению единого государства только в том случае, если бы вели к смягчению нараставших межнациональных противоречий и расхождения интересов даже между этнически родственными народами, усилению межэтнических интеграционных процессов, вектором которых было возникновение полиэтничного гражданского общества при избранной форме самоопределения, готового к осуществлению социально-политической модернизации. Момент для реформ был упущен дважды: в 1914 г., когда было принято решение о войне с Сербией, и в 1917–1918 гг. Кризис системы дуализма превратился в кризис многонационального государства как такового. Учитывая суть и направленность этнополитических процессов, можно утверждать, что сохранение единого многонационального государства в форме демократической республики было невозможно. Предстоял выбор – реформы или империя, демократия или этнонационализм. История выбрала для Средней Европы третий путь – этнонационализм без демократии.

Модернизация и самоопределение могли совпадать между собой по направленности и расходиться друг с другом, но могли оба способствовать сохранению государства, центростремительным и интеграционным тенденциям, а могли способствовать его распаду, центробежным и дезинтеграционным тенденциям.

Поиск новой социальной реальности вышел за рамки системы и границы многонациональной империи. В условиях войны и всеобщего обнищания и речи быть не могло о модернизационных реформах. Единство подданных разрушилось, а осознанного гражданского полиэтничного единства и не существовало. Распадались по этническому признаку последние опоры режима – потерявший эффективность государственный аппарат и потерпевшая поражение армия. Решить или смягчить проблемы модернизации и интенсивного развития, а также воспрепятствовать тем самым процессам национального самоопределения оказалось невозможно.

Национальное самоопределение, национальная свобода и закрепление собственного политического суверенитета над провозглашаемыми этническими территориями была приоритетная цель каждого национального движения. Национальное самоопределение воспринималось как первооснова и гарантия социальной модернизации, а модернизация – как элемент и следствие самоопределения. Темп и уровень модернизации в общеимперском масштабе был недостаточен, что сказалось в ходе затяжной войны. Эффективная модернизация и национальное самоопределение в новой и более свободной форме могли стать центростремительными и интегрирующими процессами. Однако их торможение, противодействие им, замедленное и деформированное осуществление в конце концов привели к тому, что модернизация и национальное самоопределение приобрели центробежный и дезинтегрирующий характер. Решение этих задач виделось уже вне рамок прежнего многонационального государства, вне империи и без монархии Габсбургов, хотя и были попытки реформирования политико-административных институтов в рамках монархии.

С началом войны в 1914 г. у южнославянских народов (как и у чехов и словаков), активизировались политические силы, рассматривавшие возможность национального самоопределения вне границ империи, монархии и единого многонационального государства. До 1917 г. они находились в основном за границей – в эмиграции, прежде всего в Лондоне (Югославянский комитет), в России

(в плену)¹², в Белграде, а затем на о. Корфу (династия Карагеоргиевичей и правительство Сербии), а также в США — национальные общины южных славян. С 1917 г. все более активную роль начинают играть сохранившиеся представительные учреждения и политические партии внутри самой Австро-Венгрии (сабор Хорватии, Югославянский клуб в рейхсрате, депутаты сабора БиГ, локальные представительные учреждения в Далмации, Истрии, Крайне, Штирии, Каринтии, Триеста, Гориче и Градишки).

Соотношение между собой этих процессов с течением времени изменялось. По содержанию и направленности социальная модернизация и национальное самоопределение в Австро-Венгрии совпадали. До Первой мировой войны сохранение империи рассматривалось как условие ее модернизации (или же модернизация была направлена на ее сохранение), а национальное самоопределение было возможным в существовавших рамках и границах; модернизация и самоопределение имели центростремительную, монархическую, лоялистскую и легалистскую направленность.

Мировая война постепенно изменила вектор развития, и стало очевидным, что ни модернизации, ни национального самоопределения невозможно достичь и обрести, поскольку государство оказалось неререформируемым и потерпело не только военное поражение, но и внутренний социальный и национально-политический крах. В 1914–1916 гг. возникла промежуточная ситуация — временная мобилизация, при опоре на внутриэтническую интеграцию. Однако в 1917 г. мобилизационный ресурс иссяк, победы одержать не удалось, межэтнические противоречия обострились, шел поиск новой социальной реальности путем национального самоопределения, ощущалась угроза подчинения или поглощения Германией, экономические связи внутри империи ослабли вследствие разрушения нормальной экономики и нарушения нормального товарообмена, усиливались трудности с обеспечением населения продуктами питания. Этнонационализм, шовинизм и великодержавие, использованные властями как средство мобилизации масс и подавления процессов национального самоопределения, которые до войны, да и в значительной мере во время войны отнюдь не предполагали разрушения империи и свержения монархии. Постепенно достигнув гипертрофированных размеров, начали приводить к результатам, противоположным ожидаемым властью. Будучи основой центростремительных тенденций на первом этапе войны, они на ее завершающем этапе объективно превратились в активных носителей центробежных тенденций. Этнонациональное сознание стало превалировать над осознанием общности, основанным на подданстве, верности династии и присяге. С 1917 г., в особенности с 1918 г., «*viribus unitis*» («соединенные усилия») стали проявляться у национальных движений всех народов только в одном — в стремлении разрушить единое государство. Флагманский дредноут стремительно шел ко дну, а флотилия не только не спасала его экипаж, но каждый корабль стремился отплыть как можно дальше от места крушения. Взрыв настоящего корабля итальянскими диверсантами 1 ноября 1918 г. стал символическим актом.

В исторических условиях осени 1918 г. любой вариант развития Австро-Венгрии, будь то консервативно-централизаторский или либерально-реформаторский, вел к ее распаду. Иной судьбы при военном поражении,

¹² Подробнее об этом см.: Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. док. и материалов. М., 1976; Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сб. док. М., 2014; Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. Документы и материалы, в 2-х т. М., 2013–2018.

распаде экономической системы и системы государственного управления ни у монархии, ни у империи, ни у многонационального государства уже не было. В то же время модернизация при игнорировании проблемы национального самоопределения могла обострить противоречия, а не укрепить единое государство. А национальное самоопределение могло воспрепятствовать процессу модернизации из-за фрагментации и автаркии, что во многом и произошло в новых независимых государствах после распада Дунайской империи.

Распад Австро-Венгрии не только не был случайным, но и не был единичным, изолированным явлением. Он был частью общего процесса прекращения существования империй как формы организации этнополитического пространства. В результате взрыва «порохового погреба Европы» на границе Средней Европы и Балкан, приведшего к Первой мировой войне, прекратили свое существование три многонациональные империи, соперничавшие между собой в этом регионе — Австро-Венгерская («дружная семья», «тюрьма народов», «лоскутная монархия» или «опытная лаборатория всемирной истории»), Российская («Третий Рим», «тюрьма народов» и «жандарм Европы») и Османская («блистательная Порта» или «больной человек Европы»).

Осенью 1918 г. на фоне поражения Австро-Венгрии и ее «старшего союзника» Германии была провозглашена независимость Чехословакии (28 октября), Государства словенцев, хорватов и сербов (29 октября), Немецкой Австрии (12 ноября) и Венгрии (16 ноября). 3 ноября близ итальянского города Падуа было подписано перемирие союзников с фактически уже прекратившей свое существование Австро-Венгрией, а 11 ноября 1918 г. — Компьенское перемирие с Германией.

Продолжение существования Австро-Венгрии в той или иной форме не могло бы воспрепятствовать дальнейшему нарастанию межнациональных противоречий в Средней Европе. Однако ни распад Австро-Венгерской империи, ни распад Российской империи, ни социальная, ни национальная революции сами по себе не стали окончательной точкой в процессе национального самоопределения народов Средней и Восточной Европы, не разрешили проблемы модернизации. Оба эти процесса стали основой дальнейшего исторического развития этого региона в XX и начале XXI в.¹³

Библиография

Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. Отв. ред. О.В. Хаванова. М., 1997.

Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер. М., 1995.

Айранетов А. Г. Взгляд историков на реалии многонационального государства. — Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки, вып. 3–4. Тамбов, 1996, с. 28–35.

Айранетов А. Г. Историческая судьба Австро-Венгрии. — Вопросы истории, 1999, № 1, с. 137–144.

¹³ Романенко С. А. Образ революционной России в Австро-Венгерской империи между Февралем и Октябрем 1917 г. — Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели, вып. VI. Ставрополь, 2017, с. 91–97; *его же*. Национальные революции в Австро-Венгрии и ее распад в представлениях большевиков. — Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм революционного развития мира. Тамбов, 2018, с. 131–146; *его же*. Россия и Австро-Венгрия: два типа революции. По материалам российской прессы. — Исторический вестник. Революционный транзит. Россия, т. 23. М., 2018, с. 78–102; Павленко О. В. Катастрофа «русской Марсельезы» в 1917 г. и ее осмысление в современной историографии. — Там же, с. 12–37.

Венгерско-хорватское соглашение 1868 г. Краткий очерк и перевод с приложением. СПб., 1910.

Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу в России во время Первой мировой войны. Сб. док. М., 2014.

Воцелка К. История Австрии. М., 2007.

Земельный устав (статут) за Босну и Херцеговину. Превишње ријешење од 17. фебруара 1910. о увођењу уставних уредаба. Сарајево, [1910].

История Венгрии, т. II. Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1972.

Камберович Х. Мусульманская политическая элита и хорватские политические программы в Боснии и Герцеговине в начале XX века. — Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. IV. Памяти В. И. Фрейдзона. Отв. ред. С. А. Романенко, И. В. Крючков, А. С. Стыкалин. СПб., 2011, с. 294–295.

Кирилина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В. История Словении. СПб., 2011.

Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.

Крестич В., Љушић Р. Програми и статuti српских политичких странака до 1918 године. Београд, 1991.

Крючков И. В. Венгрия и славянский мир в последней трети XIX — начале XX в. Ставрополь, 2001.

Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М., 2017.

Маткович С. Хорватские политические партии и идея модернизации в начале XX века. — Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Памяти В. И. Фрейдзона. Отв. ред. С. А. Романенко, И. В. Крючков, А. С. Стыкалин, вып. IV. СПб., 2011, с. 233–243.

Павленко О. В. Катастрофа «русской Марсельезы» в 1917 г. и ее осмысление в современной историографии. — Исторический вестник. Революционный транзит. Россия, т. 23. М., 2018, с. 12–37.

Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов 1848–1914 гг. Очерки. Отв. ред. О. В. Хаванова. М., 2018.

Политический строй современных государств, т. II. СПб, 1910.

Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., 2011.

Романенко С. А. Национальные революции в Австро-Венгрии и ее распад в представлениях большевиков. — Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм революционного развития мира. Тамбов, 2018, с. 131–146.

Романенко С. А. Образ революционной России в Австро-Венгерской империи между Февралем и Октябрем 1917 г. — Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели, вып. VI. Ставрополь, 2017, с. 91–97.

Романенко С. А. Россия и Австро-Венгрия: два типа революции. По материалам российской прессы. — Исторический вестник. Революционный транзит. Россия, т. 23. М., 2018, с. 78–102.

Собрание конституционных актов. Вып. II. Конституции Австрии — Австро-Венгрии — Венгрии — Англии. М., 1908, с. 3–47.

Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов, т. I. СПб., 1905.

Тумач повластица, закона, уредаба и других наређења српске народне црквене аутономије у Угарској, Хрватској и Славонији. Нови Сад, 1897.

Тымовский С., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.

Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М., 1976.

Формы национального движения в современных государствах. СПб, 1905.

Фрейдзон В. И. История Хорватии. СПб., 2001.

Фрейдзон В. И. К истории боснийско-мусульманского этноса. — Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981, с. 329–343.

Чехия и Словакия в XX в. Очерки истории, т. I. Отв. ред. В. В. Марьяна. М., 2005.

- Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. Документы и материалы, в 2-х т. М., 2013–2018.
- Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003.
- Ясу О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.
- Čipek T., Matković Stj. Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. 1842.–1914. Zagreb, 2006.
- Čipek T., Vrdečić J. Hrestomatija liberalnih ideja u Hrvatskoj. Zagreb, 2004.
- Goldstein I. Hrvatska povijest. Zagreb, 2003.
- Hrvatske pravice. Sastavio Petar Požar. Split – Zagreb, 1990.
- Magyarország pártprogramok 1867–1919. Budapest, 2003.
- Österreichische Parteiprogramme 1868–1966. Hrsg. von K. Berchtold. München – Oldenburg, 1967.
- Zgodovinski arhiv komunističke partije Jugoslavije, T. V. Socijalistično gibanje v Sloveniji. 1869–1920. Beograd, 1951.

References

- Avstro-Vengriia: integratsionnye protsessy i natsional'naia spetsifika. Otv. red. O. V. Khavanova [Austria-Hungary: Integration Processes and National Specifics. Ed. by O. V. Khavanova]. Moscow, 1997. (In Russ.)
- Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva. Otv. red. T. M. Islamov, A. I. Miller [Austria-Hungary: the Experience of a Multinational State. Ed. by T. M. Islamov, A. I. Miller]. Moscow, 1995. (In Russ.)
- Ayrapetov A. G. Istoricheskaia sud'ba Avstro-Vengrii. – Voprosy istorii [The historical fate of Austria-Hungary. – Questions of history], 1999, № 1, p. 137–144. (In Russ.)
- Ayrapetov A. G. Vzgljad istorikov na realii mnogonatsional'nogo gosudarstva. – Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye nauki, vyp. 3–4. Gumanitarnye nauki [Points of view of historians on the real situation in a multinational state. – Bulletin of the Tambov State University. Social Sciences, vol. 3–4. Humanitarian sciences]. Tambov, 1996, p. 28–35. (In Russ.)
- Chekhiia i Slovakiia v 20 v. Ocherki istorii, t. 1. Otv. red. V. V. Mar'ina [Czech Republic and Slovakia in the Twentieth Century. Essays on the Story, vol. 1. Ed. by V. V. Maryina]. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Cheshsko-slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. Dokumenty i materialy, v 1–2. [Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps. Documents and Materials, vol. 1–2]. Moscow, 2013–2018. (In Russ.)
- Formy natsional'nogo dvizheniia v sovremennykh gosudarstvakh [The Political System of Modern States. Collection of Articles], vol. 2. Saint-Petersburg, 1905. (In Russ.)
- Frejdzon V. I. Istoriiia Khorvatii [History of Croatia]. Saint-Petersburg, 2001. (In Russ.)
- Frejdzon V. I. K istorii bosniisko-musul'manskogo etnosa. – Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope [On the History of the Bosnian-Muslim Ethnic Group. – Formation of Nations in Central and Southeast Europe]. Moscow, 1981. (In Russ.)
- Istoriiia Vengrii, t. 2. Otv. red. T. M. Islamov [History of Hungary, vol. 2. Ed. by T. M. Islamov]. Moscow, 1972. (In Russ.)
- Kamberovich H. Musul'manskaia politicheskaia elita i khorvatskie politicheskie programmy v Bosnii i Gertsegovine v nachale 20 veka. – Avstro-Vengriia: Tsentral'naia Evropa i Balkany (11–20 vv.). Rossiisko-avstriiskii al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli. Vyp. IV. Pamiati V. I. Freidzona. Otv. red. S. A. Romanenko, I. V. Kriuchkov, A. S. Stykalin [Muslim Political Elite and Croatian Political Programs in Bosnia and Herzegovina at the Beginning of the 20 century. – Austria-Hungary: Central Europe and the Balkans (11 – 20 centuries). In Memory of V. I. Frejdzon. Resp. ed. S. A. Romanenko, I. V. Kryuchkov, A. S. Stykalin. Russian-Austrian Almanac: Historical and Cultural Parallels, issue IV. Saint-Petersburg, 2011, p. 294–295. (In Russ.)
- Kirilina L. A., Pilko N. S., Churkina I. V. Istoriiia Slovenii [History of Slovenia]. Saint-Petersburg, 2011. (In Russ.)
- Kontler L. Istoriiia Vengrii. Tysiacheletie v tsentre Evropy [History of Hungary. Millennium in the Center of Europe]. Moscow, 2002. (In Russ.)
- Krestic V., Ljusic R. Programi i statuti srpskikh politichkikh stranaka do 1918 godine [Programs and Statutes of Serbian Political Parties until 1918]. Belgrad, 1991. (In Serb.)
- Kryuchkov I. V. Vengriia i slavianskii mir v poslednei treti 19 – nachale 20 v [Hungary and the Slavic world in the last third of the 19 – beginning of 20 centuries]. Stavropol, 2001. (In Russ.)

Liven D. Navstrechu ognju. Imperiia, voina i konets tsarskoi Rossii [Towards the Flame. Empire, War and End of Tsarist Russia]. Moscow, 2017. (In Russ.)

Matkovich S. Khorvatskie politicheskie partii i ideia modernizatsii v nachale 20 veka. – Avstro-Vengriia: Tsentral'naia Evropa i Balkany (11–20 vv.). Rossiisko-avstriiskii al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli. Pamiati V. I. Freidzona. Otv. red. S. A. Romanenko, I. V. Kriuchkov, A. S. Stykalin, vyp. 4 [Croatian Political Parties and the Idea of Modernization at the Beginning of the 20 century. – Austria-Hungary: Central Europe and the Balkans (11 – 20 Centuries). Russian-Austrian Almanac: Historical and Cultural Parallels, Issue, 4. In Memory of V. I. Frejdzon. Ed. by. S. A. Romanenko, I. V. Kryuchkov, A. S. Stykalin]. Saint-Petersburg, 2011, p. 233–243. (In Russ.)

Pavlenko O. V. Katastrofa «russkoi Marsel'ezy» v 1917 g. i ee osmyslenie v sovremennoi istoriografii. – Istoricheskii vestnik. Revoliutsionnyi tranzit. Rossiia [The catastrophe of “Russian Marseillaise” in 1917 and its Comprehension in Modern Historiography. – Historical Bulletin. Revolutionary transit. Russia], vol. 23. Moscow, 2018, p. 12–37. (In Russ.)

Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia v monarkhii Gabsburgov 1848–1914 gg. Ocherki. Otv. red. O. V. Khavanova [Political Parties and Social Movements in the Habsburg Monarchy of 1848–1914. Essays. Ed. by O. V. Khavanova]. Moscow, 2018. (In Russ.)

Politicheskii stroi sovremennykh gosudarstv. Avstro-Vengriya, Rossiia, Germaniia [Forms of the National Movement in Modern States. Austria-Hungary, Russia, Germany], vol. II Saint-Petersburg, 1910. (In Russ.)

Romanenko S. A. Rossiia i Avstro-Vengriia: dva tipa revoliutsii. Po materialam rossiiskoi pressy. – Istoricheskii vestnik. Revoliutsionnyi tranzit. Rossiia [Russia and Austria-Hungary: two Types of Revolution. According to the Materials of the Russian Press. – Historical Bulletin. Revolutionary transit. Russia], vol. 23. Moscow, 2018, p. 78–102. (In Russ.)

Romanenko S. A. Mezhdru «proletarskim internatsionalizmom» i «slavianskim bratstvom». Rossiisko-iugoslavskie otnosheniia v kontekste etnopoliticheskikh konfliktov v Srednei Evrope. Ot nachala 20 v. do 1991 g. [Between “Proletarian Internationalism” and “Slavic Brotherhood”. Russian-Yugoslav Relations in the Context of Ethno-Political Conflicts in Central Europe. From the Beginning of the Twentieth Century until 1991]. Moscow, 2011. (In Russ.)

Romanenko S. A. Natsional'nye revoliutsii v Avstro-Vengrii i ee raspad v predstavleniakh bol'shevikov. – Chicherinskie chteniia. «Revoliutsionnyi 1917 god»: poisk paradig revoliutsionnogo razvitiia mira [National revolutions in Austria-Hungary and its collapse in the ideas of the Bolsheviks. – Georgy Chicherin Readings. “Revolutionary 1917”: the Search for Paradigms for the Revolutionary Development of the World]. Tambov, 2018, p. 131–146. (In Russ.)

Romanenko S. A. Obraz revoliutsionnoi Rossi v Avstro-Vengerskoi imperii mezhdru Fevralem i Oktjabrem 1917 g. – Rossiisko-avstriiskii al'manakh: istoricheskie i kul'turnye paralleli [The Image of Revolutionary Russia in the Austro-Hungarian Empire between February and October 1m 1917. – Russian-Austrian Almanac: Historical and Cultural Parallels], Issue 6. Stavropol, 2017, p. 91–97. (In Russ.)

Shimov J. Avstro-Vengerskaia imperiia [Austro-Hungarian Empire]. Moscow, 2003. (In Russ.)
Sobranie konstitutsionnykh aktov. Vyp. 2. Konstitutsii Avstrii – Avstro-Vengrii – Vengrii – Anglii [The Collection of Constitutional Acts. Issue 2. Constitution of Austria – Austria-Hungary – Hungary – England]. Moscow, 1908. (In Russ.)

Sovremennye konstitutsii. Sbornik deistvuiushchikh konstitutsionnykh aktov [Modern Constitutions. Collection of Current Constitutional Acts], vol. 1. Saint-Petersburg, 1905. (In Russ.)

Tumach povlastitsa, zakona, uredaba i drugih narehena srpske narodne trskvene autonomije u Ugarskoj, Khrvatskoj i Slavoniji [The Interpreter of Privileges, Laws, Ordinances and other Orders of the Serbian National Church Autonomy in Hungary, Croatia and Slavonia]. Novi Sad, 1897. (In Serb.)

Tymovsky S., Kenevich J., Holzer E. Istoriia Pol'shi [History of Poland]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Uchastie iugoslavskikh trudiashchikhsia v Oktjabr'skoi revoliutsii i grazhdanskoi voine v SSSR. Sbornik dokumentov i materialov [The Participation of Yugoslav Workpeople in the October Revolution and the Civil War in the USSR. Collection of Documents and Materials]. Moscow, 1976. (In Russ.)

Vengersko-khorvatskoe soglasenie 1868 g. Kratkii ocherk i perevod s prilozheniem Hungarian-Croatian Agreement of 1868. A Brief Outline and Translation with the Appendix. Saint-Petersburg, 1910. (In Russ.)

Vishnyakov Y., Timofeev A., Miloradovich G. Armiiia bez gosudarstva. Ot serbskogo k iugoslavianskomu dobrovol'cheskomu korpusu v Rossii vo vremia Pervoi mirovoi voiny Sb. dok. [Army Without a State. From the Serbian to the Yugoslav Volunteer Corps in Russia during the First World War]. Moscow, 2014. (In Russ.)

Vocelka K. Istorija Avstrii [History of Austria]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Yaszi O. Raspad Gabsburgskoi monarkhii [The Dissolution of the Habsburg Monarchy]. Moscow, 2011. (In Russ.)

Zemaljski ustav (statut) za Bosnu i Khersegovinu. Previšnje rješehnje od 17. februara 1910. o uvođenju ustavnih uredaba [Land Constitution (Statute) for Bosnia and Herzegovina. The Overriding Decision of February 17, 1910 on the Introduction of Constitutional Regulations]. Sarajevo [1910]. (In Serb.)

Cipek T., Matković Stj. Programatski dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina. 1842. – 1914^h. Zagreb, 2006.

Cipek T., Vradečić J. Hrestomatija liberalnih ideja u Hrvatskoj. Zagreb, 2004.

Goldstein I. Hrvatska povijest. Zagreb, 2003.

Hrvatske pravice. Sastavio Petar Požar. Split – Zagreb, 1990

Magyarország pártprogramok. 1867–1919. Budapest, 2003.

Österreichische Parteiprogramme 1868–1966. Hrsg. von K. Berchtold. München – Oldenburg, 1967.

Zgodovinski arhiv komunističke partije Jugoslavije. T. V. Socijalistično gibanje v Sloveniji. 1869–1920. Belgrade, 1951.